

ГЕРМАН

ГЕССЕ

КНУЛЬП

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Герман Гессе

Кнульп

«Издательство АСТ»

1915

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Гессе Г.

Кнульп / Г. Гессе — «Издательство АСТ»,
1915 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-159223-3

В повести «Кнульп» автор рассказывает историю истинного мечтателя и вечного странника. Он человек-загадка без корней и привязанностей; свободная душа, существующая вне установленного порядка вещей. Чего ищет он сам и в чем смысл его жизни? В этом произведении великий мастер впервые отдает дань уважения своим юношеским устремлениям, в том числе желанию вырваться из-под гнета мещанского быта и обрести духовную свободу.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-159223-3

© Гессе Г., 1915
© Издательство АСТ, 1915

Содержание

Предвешней порою	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Герман Гессе

Кнульп

© Hermann Hesse, 1915

© Перевод. Н. Федорова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Предвешней порою

Как-то раз в начале девяностых годов нашему другу Кнульпу пришлось несколько недель провести в больнице, вышел он оттуда в середине февраля, погода стояла премерзкая, так что уже за считанные дни пешего странствия у него опять начался озноб и он волей-неволей стал подумывать о пристанище. На нехватку друзей Кнульп пожаловаться не мог и почти в каждом из окрестных городков легко нашел бы гостеприимный кров. Но в этом смысле он был на удивление самолюбив, до такой степени, что, принимая помощь от друга, словно бы оказывал ему большую честь.

На сей раз он вспомнил лехштеттенского кожевника Эмиля Ротфуса и вечером, в дождь и ветер, постучал в уже запертую дверь его дома. Кожевник приоткрыл ставню на верхнем этаже и крикнул в темный переулочек:

– Кто там? Что за спешка, неужто до утра нельзя подождать?

Услышав голос старого друга, Кнульп, невзирая на усталость, мигом взбодрился. А поскольку на память пришел стишок, сложенный много лет назад, когда он целый месяц странствовал за компанию с Эмилем Ротфусом, он сей же час пропел:

Сидит усталый путник
В трактире за столом,
Нетрудно догадаться,
То блудный сын пришел.

Кожевник немедля широко распахнул ставню и высунулся из окна.

– Кнульп! Нешто вправду ты, или мне померещилось?

– Я! – отозвался Кнульп. – Может, все-таки на крыльцо выйдешь? Или так и будем перекликаться через окно?

С веселой поспешностью Ротфус спустился вниз, отворил дверь и маленькой коптящей керосиновой лампой осветил пришельцу в лицо, так что тот невольно зажмурился.

– Заходи же скорей! – взволнованно воскликнул кожевник и потянул друга в дом. – Рассказывать будешь потом. Тут кое-что осталось от ужина и постель тоже найдется. Господи, в эту канальскую погоду! Обувка-то у тебя хотя бы крепкая, а?

Он так и сыпал вопросами и дивился, а Кнульп тем временем подошел к полутемной лестнице, заботливо расправил подшитые тесьмой штанины и уверенно поднялся по ступенькам, хотя не бывал в этом доме уже четыре года. В верхнем коридоре, у дверей горницы, он на миг приостановился и за руку удержал кожевника, который приглашал его войти.

– Слушай, – прошептал он, – ты ведь теперь женат, да?

– Ясное дело, женат.

– То-то и оно... Видишь ли, жена твоя меня не знает и, чего доброго, не обрадуется. А мешать вам я не хочу.

– Да что ты такое говоришь! Мешать! – рассмеялся Ротфус, распахнул дверь и втокнул Кнульпа с светлую комнату.

Над большим обеденным столом висела на трех цепочках внушительная керосиновая лампа, легкий табачный дымок витал в воздухе, тонкими струйками тянулся к горячему колпаку, вихрем взлетал вверх и исчезал. На столе лежали газета и свиной пузырь, полный курительного табаку, а с узкого диванчика у короткой стены вскочила молодая хозяйка, с несколько наигранной и смущенной бодростью, будто ее только что разбудили и она не хочет этого показывать. На секунду Кнульп как бы в растерянности зажмурился от яркого света, потом посмотрел в ее светло-серые глаза и с учтивым поклоном протянул руку.

– Вот, это она, – смеясь, сказал хозяин. – А это Кнульп, мой друг Кнульп, помнишь, мы о нем говорили. Разумеется, он у нас погостит, ночевать будет на кровати подмастерья. Она ведь пустует. Но перво-наперво мы все выпьем по стаканчику сидра, и Кнульпа надо накормить. У нас есть еще ливерная колбаса, верно?

Хозяйка поспешила вон из комнаты, Кнульп проводил ее взглядом.

– Все ж таки она немножко оробела, – тихо сказал он.

Ротфус, однако, с ним не согласился.

– Детей у вас пока нет? – спросил Кнульп.

Меж тем хозяйка вернулась, принесла на оловянной тарелке колбасу, поставила рядом хлебную досочку, посредине которой аккуратно, срезом вниз, лежала половина ржаного карава, а по закругленному краю бежала затейливая резная надпись: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

– Знаешь, Лиз, о чем Кнульп только что меня спросил?

– Оставь! – запротестовал тот. И с улыбкой обратился к хозяйке: – Ах, сударыня, вы позволите?

Но Ротфус не унимался:

– Он спросил, есть ли у нас дети.

– Ну и что! – засмеялась она и опять убежала.

– Так у вас нет детей? – спросил Кнульп, когда она исчезла.

– Пока нет. Она не торопится, знаешь ли, и в первые годы так даже лучше. Да ты угощайся, приятного тебе аппетита!

Жена меж тем принесла серо-голубой фаянсовый кувшин с сидром, поставила на стол три стакана, наполнила их. Действовала она ловко, расторопно, и Кнульп, глядя на нее, улыбнулся.

– Твое здоровье, дружище! – вскричал хозяин и потянулся чокнуться с Кнульпом. Но тот галантно воскликнул:

– Прежде дамы. Ваше бесценное здоровье, сударыня! И твое здоровье, старина!

Они чокнулись и выпили, Ротфус, сияя от радости, подмигнул жене: заметила ли она, какие превосходные манеры у его друга. Она же, конечно, давно их заметила и сказала:

– Вот видишь, господин Кнульп учтивее тебя, знает, каков обычай.

– Ну что вы, – сказал гость, – каждый поступает так, как научен. Что же до манер, то вы, право, смущаете меня, сударыня. А до чего красиво вы накрыли на стол, будто в лучшем отеле!

– Ясное дело, – рассмеялся кожевник, – ведь она этому научена.

– Вот как, и где же? Ваш батюшка держит трактир?

– Нет, батюшка мой давно в могиле, я, почитай что, и не знала его. Но несколько лет служила подавальщицей в «Быке», коли вам знакомо это заведение.

– В «Быке»? Раньше это был лучший постоялый двор в Лехштеттене, – похвалил Кнульп.

– И сейчас тоже. Верно, Эмиль? У нас проживали почти одни только коммивояжеры да туристы.

– Охотно верю, сударыня. Место, конечно, хоть куда и заработок отличный! Но собственный дом все-таки лучше, верно?

Он не спеша, с наслаждением намазал на хлеб мягкую колбасу, тщательно снятую шкурку положил на край тарелки и временами отпивал глоток доброго золотистого сидра. Хозяин с удовольствием и почтением следил, как аккуратно и легко его тонкие ухоженные руки совершают необходимые движения, да и хозяйка тоже наблюдала с одобрением.

– Однако ж вид у тебя неважнецкий, – немного погодя принялся укорять Кнульпа Эмиль Ротфус, и тот, хочешь не хочешь, признался, что недавно хворал и лежал в больнице. Правда, о тягостных подробностях умолчал. Затем кожевник спросил, чем он теперь думает заняться, и от души предложил стол и кров на любой срок; Кнульп как раз этого и ожидал, как раз на

это и рассчитывал, но словно бы стушевался, ушел от ответа, вскользь поблагодарил и отложил обсуждение этих дел назавтра.

– Об этом не поздно потолковать завтра или послезавтра, – как бы между прочим обронил он, – время, слава богу, терпит, во всяком случае, я побуду здесь еще немного.

Не любил Кнульп строить планы и давать обещания на долгий срок. И если свободно не располагал грядущим днем, то чувствовал себя не в своей тарелке.

– Коли я в самом деле задержусь на некоторое время, – помолчав, сказал он, – тебе надобно записать меня своим подмастерьем.

– Да ну тебя! – рассмеялся хозяин. – Ты – у меня в подмастерьях! Вдобавок ты ведь не кожевник.

– И что с того, неужели непонятно? Кожевенное дело меня совершенно не интересует, оно, конечно, ремесло замечательное, но к работе у меня таланта нет. А вот моему дорожному паспорту будет польза, знаешь ли. Уж тогда я получу пособие по болезни.

– Можно на него поглядеть, на твой паспорт?

Кнульп слазил в нагрудный карман своего почти нового костюма и достал сей документ, который хранил в аккуратном клеенчатом футляре.

Кожевник осмотрел его и рассмеялся:

– Безупречно, как всегда! Ты будто только вчера утром уехал от маменьки.

Потом, изучив записи и печати, он с глубоким восхищением покачал головой:

– Да-а, вот порядок так порядок! Все у тебя должно быть в ажуре, иначе никак.

Надо сказать, Кнульп неукоснительно пекся о том, чтобы паспорт был в полном порядке. В своей безупречности сей документ являл собою прелестную фикцию или вымысел, и официально заверенные записи знаменовали сплошь славные вехи достойной и дельной жизни, в коей привлекала внимание лишь страсть к скитаниям – в форме весьма частой перемены мест. Засвидетельствованную в этом официальном паспорте жизнь Кнульп себе придумал и сотнями ухищрений продолжал вести это мнимое существование, нередко под угрозой разоблачения, ведь на самом деле он хотя и совершал не так чтобы много недозволенного, но был безработным бродягой, и жизнь его иначе как незаконной и презренной не назовешь. Конечно, вряд ли ему удалось бы столь успешно продолжать свою милую выдумку, не будь поголовно все жандармы настроены к нему благожелательно. По возможности, они оставляли в покое веселого, незаурядного человека, чье духовное превосходство, а порой и серьезность внушали им уважение. Приводов Кнульп почти не имел, в воровстве и попрошайничестве уличен не был, да и почтенных друзей у него повсюду хватало; вот его и пропускали, не трогали, примерно так позволяют жить в доме красивой кошке: всяк полагает, что снисходительно терпит ее, а она меж тем, не ведая забот, живет себе средь прилежных и озабоченных людей беспечно-светской, роскошно-барской и праздной жизнью.

– Не заявись я, вы бы, верно, давно десятый сон видели! – воскликнул Кнульп, забирая свои бумаги. Встал и вежливо поклонился хозяйке. – Идем, Ротфус, покажешь мне мою кровать.

Хозяин со свечою проводил его по узкой лестнице наверх, в мансарду, в комнатку подмастерья. Там у стены стояла пустая железная кровать, а рядом – деревянная, с матрасом и всем прочим.

– Грелку хочешь? – отечески спросил хозяин.

– Этого еще недоставало! – рассмеялся Кнульп. – Тебе, сударь мой, она, ясное дело, ни к чему, жenuшка-то у тебя вон какая прелестная.

– Я тебе так скажу, – с жаром отвечал Ротфус, – вот сейчас ты ляжешь в холодную постель подмастерья, в мансарде, порой ночуешь и в еще худшей, а иной раз вовсе никакой не имеешь, поневоле спишь в сене. А вот у нашего брата и дом есть, и дело, и милая жenuшка. Знаешь, если б захотел, ты давно бы мог стать мастером.

Кнульп тем временем поспешно разделся и, зябко поеживаясь, улегся в холодную постель.

– Будешь продолжать? – спросил он. – Мне тут удобно, могу послушать.

– Я серьезно, Кнульп.

– Я тоже, Ротфус. Только не воображай, будто женитьба – твоё изобретение. Стало быть, покойной ночи!

На следующий день Кнульп вставать не стал. Он еще испытывал некоторую слабость и в такую погоду вряд ли бы вышел из дому. Кожевника, который утром заглянул к нему, он попросил не тревожиться, оставить его в покое и только в обед принести наверх тарелку супа.

Так он целый день тихонько и убагодворенно лежал в сумеречной мансардной комнатке, чувствовал, как уходят озноб и дорожные тяготы, и с удовольствием предавался отрадному ощущению теплой защищенности. Слушал усердный стук дождя по крыше и ветер, который, предвещая оттепель, неугомонно и мягко налетал капризными порывами. Порой он на полчаса засыпал либо, пока было достаточно светло, читал что-нибудь из своей походной библиотеки; состояла она из листков, на которые он переписал себе кой-какие стихи и афоризмы, и небольшой пачки газетных вырезок. Было там и несколько картинок, их он тоже нашел в еженедельниках и вырезал. Двум из них он отдавал особое предпочтение, и оттого, что часто их доставал, выглядели они уже ветхими и потрепанными. Одна изображала актрису Элеонору Дузе¹, вторая – парусный корабль в открытом штормовом море. С отроческих лет Кнульп питал огромное пристрастие к Северу и к морю, не раз намеревался там побывать и однажды дошел аж до брауншвейгских земель. Но его, перелетную птицу, что вечно странствовала и нигде не могла задержаться надолго, диковинная боязливость и любовь к родимым местам вновь и вновь быстрыми переходами гнали обратно, на юг Германии. Возможно, вдобавок он терял беспечность, очутившись в краях чужого говора и чужих обычаев, где никто его не знал и где ему было трудно содержать в порядке свой легендарный дорожный паспорт.

В полуденный час кожевник принес ему суп и хлеб. Вошел на цыпочках и говорил испуганным шепотом, поскольку считал Кнульпа больным, сам-то со времен детских хворей никогда среди бела дня в постели не разлеживался. Кнульп чувствовал себя превосходно, однако не дал себе труда что-либо объяснять, только заверил, что завтра будет здоровехонек и встанет.

Ближе к вечеру в дверь комнатки постучали, а поскольку Кнульп задремал и не ответил, хозяйка тихонько вошла и вместо пустой суповой тарелки поставила на скамеечку у кровати чашку кофе с молоком.

Кнульп, разумеется, слышал, как она вошла, но то ли от усталости, то ли по капризу так и лежал с закрытыми глазами, ничем не показывая, что не спит. С пустой тарелкой в руке хозяйка взглянула на спящего, который подложил под голову локоть, прикрытый клетчатой голубой рубашкой. Ей бросилась в глаза шелковистость темных волос и почти детская красота беззаботного лица, и она на миг задержалась, разглядывая пригожего парня, о котором мастер рассказывал ей столько удивительных историй. Смотрела на густые брови над закрытыми глазами, на нежный светлый лоб и худые, однако загорелые щеки, на изящный румяный рот и стройную шею, и все это пришлось ей по душе, и она припомнила времена, когда служила подавальщицей в «Быке» и по вешней прихоти иной раз принимала ухаживания какого-нибудь пригожего чужого парня.

Мечтательно и в легком волнении хозяйка наклонилась немного вперед, чтобы увидеть все лицо, и тут вдруг оловянная ложка, соскользнув с тарелки, упала на пол, что в тишине и подспудной неловкости обстоятельств сильно напугало бедняжку.

¹ Дузе Элеонора (1858–1924) – знаменитая итальянская драматическая актриса.

Вот теперь Кнульп открыл глаза, медленно и как бы ни о чем не подозревая, словно крепко спал. Повернул голову, на миг заслонила глаза рукой и с улыбкой сказал:

– Ах, это вы, сударыня! Кофею мне принесли! Добрый горячий кофе – он-то мне аккурат и снился. Большое спасибо, госпожа Ротфус! Кстати, который час?

– Четыре, – быстро ответила она. – Пейте кофе, пока не остыл, а я потом заберу чашку.

С этими словами она поспешила вон, будто ее ожидали неотложные дела. Кнульп проводил ее взглядом, прислушался к торопливым шагам вниз по ступенькам. С задумчивым видом несколько раз покачал головой, потом тихонько по-птичьему присвистнул и занялся кофеем.

Через час после наступления темноты ему, однако, стало скучно, он превосходно отдохнул, чувствовал себя хорошо, и его вновь потянуло немножко побыть среди людей. Он не спеша встал и оделся, бесшумно, словно куница, сбегал в потемках вниз по лестнице и незаметно выскользнул из дома. По-прежнему дул юго-западный ветер, сильный и сырой, но дождь кончился, и в небе виднелись большие ясные просветы.

С любопытством разведчика Кнульп прошелся по вечерним улицам и опустевшей Рыночной площади, потом остановился в открытых дверях кузницы, посмотрел, как ученики прибирают мастерскую, завел разговор с подмастерьями, согрел озябшие руки над остывающим темно-красным горном. Первым делом он осведомился о кой-каких знакомых в городе, расспросил о смертях и свадьбах, причем кузнец счел его своим коллегой, ведь он владел языками и опознавательными знаками всех ремесел.

Тем временем госпожа Ротфус готовила вечерний суп, гремела чугунными конфорками на маленькой плите да чистила картошку, а когда покончила со всем этим и суп уже стоял на медленном огне, взяла кухонную лампу, прошла в горницу и стала перед зеркалом. В зеркале она увидела, что искала: полное розовощекое лицо с голубовато-серыми глазами, а прическу, которая, на ее взгляд, нуждалась в улучшении, она ловкими пальцами быстро привела в порядок. Затем она еще раз обсушила фартуком свежевывмытые руки, взяла лампу и быстро поднялась в мансарду.

Тихонько постучав в дверь комнатки подмастерья, один раз и другой, и, не получив ответа, она поставила лампу на пол и обеими руками осторожно, без скрипа, приоткрыла дверь. На цыпочках вошла, сделала шаг и нащупала стул подле кровати.

– Вы спите? – спросила она вполголоса. И еще раз: – Вы спите? Я только хотела забрать посуду.

Поскольку все осталось тихо-спокойно и даже дыхания не было слышно, она потянулась рукой к постели, но тотчас же с испугом отдернула ее и побежала за лампой. А когда обнаружила, что комнатка пуста, кровать тщательно застелена, даже подушка и перина безупречно взбиты, то растерянно, испытывая разом и страх, и разочарование, вернулась к себе на кухню.

Полчаса спустя, когда был накрыт стол и кожевник пришел ужинать, хозяйка уже подумывала рассказать мужу о своем визите в мансарду, но никак не могла собраться с духом. Тут дверь внизу отворилась, легкие шаги послышались в мощеном коридоре и на лестнице, и на пороге возник Кнульп, снял щегольскую коричневую шляпу и пожелал доброго вечера.

– Ба, откуда ж ты взялся? – удивленно воскликнул мастер. – Больной, а сам где-то шастает по ночам! Этак можно до смерти простыть.

– Твоя правда, – сказал Кнульп. – Добрый вечер, госпожа Ротфус, я как раз вовремя. Учуй ваш превосходный суп еще на Рыночной площади, он наверняка не даст мне умереть.

Все трое сели ужинать. Хозяин был разговорчив и хвастал своей домовитостью и положением мастера. То поддразнивал гостя, то серьезно убеждал бросить вечные скитания и безделье. Кнульп слушал, лишь изредка отвечая, хозяйка же не проронила ни слова. Она досадовала на мужа, который по сравнению с учтивым и пригожим Кнульпом казался ей грубым, неотесанным, и выказывала гостю свое одобрение, радушно его угощая. Когда пробило десять, Кнульп пожелал доброй ночи и попросил кожевника одолжить ему бритву.

– Аккуратист, – похвалил Ротфус, вручая ему бритву. – Маленько щетины на подбородке – сразу бриться. Ну что ж, доброй ночи и будь здоров!

Прежде чем пройти в комнатку, Кнульп высунулся в маленькое окошко наверху лестницы, хотел глянуть на погоду и окрестности. Ветер почти утих, и между крышами виднелся клочок черного неба, усыпанный ясными, влажно мерцающими звездами.

Только он собрался втянуть голову обратно и закрыть окно, как оконце напротив, в соседском доме, вдруг осветилось. Он увидел низкую комнатку, очень похожую на его, куда вошла молоденькая служанка, в одной руке у нее была свеча в латунном подсвечнике, в другой – большой кувшин для воды, который она опустила на пол. Затем свеча озарила узкую девичью кровать, скромно и аккуратно накрытую грубошерстным красным одеялом и приглашавшую ко сну. Девушка поставила подсвечник – он не видел куда – и села на низкий зеленый сундучок, какие обычно в ходу у служанок.

Когда напротив начала разыгрываться нежданная сцена, Кнульп немедля задул свою свечу, чтобы его не заметили, и теперь замер, высунувшись из оконца и весь обратившись в слух.

Молоденькая служанка была из тех, что ему нравились. Лет восемнадцати-девятнадцати, небольшого роста, с добрым загорелым лицом, карими глазами и густыми темными волосами. Кроткое приятное личико выглядело отнюдь не веселым, и, сидя на своем жестком зеленом сундучке, она казалась весьма огорченной и понурой, так что Кнульп, который знал и мир, и девушек, вполне мог подумать, что это юное существо на чужбине недавно и тоскует по дому. Она сложила худые загорелые руки на коленях и находила мимолетное утешение в том, что перед сном еще некоторое время сидела на своей нехитрой собственности и думала о горнице отчего дома.

Столь же недвижимый, как и она в своей комнатке, замер в окошке и Кнульп, со странным любопытством созерцая маленькую чужую жизнь, которая при свете свечи так невинно оберегала свою прелестную горесть и думать не думала, что у нее может быть свидетель. Он видел, как кроткие карие глаза то глядят прямо в окно, то их прикрывают длинные ресницы, а на смуглых детских щеках легонько играет красноватый отблеск свечи, видел усталость тонких молодых рук, которые стремились чуть отсрочить последний небольшой труд раздевания, покоясь на синем хлопчатобумажном платье.

Наконец девушка со вздохом подняла голову с тяжелыми, подколотыми гнездом косами, задумчиво, но все еще печально глянула в пустоту, а потом низко склонилась, чтобы развязать шнурки на ботинках.

Кнульпу не очень-то хотелось уходить прямо сейчас, но он полагал, что смотреть, как бедное дитя раздевается, будет неправильно и едва ли не жестоко. Он бы охотно окликнул ее, немного с нею поболтал и развеял печаль шутивным словом, чтобы она легла в постель чуть повеселев. Но опасался, что, если окликнет ее, она испугается и сразу же задует свечу.

Вместо этого он пустил в ход одно из многих своих умений. Принялся насвистывать, бесконечно красиво и нежно, словно из дальней дали, а насвистывал он песню «Глубокая запруда, с колес бежит вода»² и выводил ее так красиво и нежно, что девушка довольно долго слушала, толком не понимая, в чем дело, и лишь на третьем куплете медленно выпрямилась, встала и, прислушиваясь, подошла к окошку.

Высунувшись наружу, она опять прислушалась, а Кнульп продолжал тихонько насвистывать. На протяжении нескольких тактов она покачивала головой в ритме мелодии, потом вдруг подняла взгляд и поняла, откуда идет музыка.

– Кто здесь? – вполголоса спросила она.

² Первые строки песни на слова Й. Эйхендорфа (1787–1855) «Сломанное колечко». Перевод З. Морозкиной.

– Всего лишь подмастерье кожевника, – донесся столь же тихий ответ. – Я не хотел тревожить девичий сон. Просто немного затосковал по дому, вот и свистел эту песенку. Но я и веселые знаю... Никак, и ты, девушка, здесь чужая?

– Я из Шварцвальда.

– Вон как, из Шварцвальда! Я тоже оттуда, выходит, мы земляки. Как тебе нравится в Лехштеттене? Мне он вовсе не по душе.

– Пока не могу сказать, я тут всего-то восемь дней. Но мне тоже не очень по душе. А вы давно здесь?

– Нет, три дня. Но земляки друг с другом на «ты», верно?

– Нет, я так не могу, мы же совсем друг друга не знаем.

– Не знаем, так узнаем. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Откуда же вы родом, барышня?

– Вам это место незнакомо.

– Как знать. Или это секрет?

– Ахтхаузен. Всего-навсего маленькая деревушка.

– Но красивая, правда? Впереди на углу часовня, и мельница есть или пилорама, а там большой рыжий сенбернар. Так или нет?

– Господи Боже мой, Беллю!

Поскольку девушка уверилась, что он знаком с ее родиной и действительно там бывал, недоверчивость и уныние большей частью развеялись, и, изрядно повеселев, она быстро спросила:

– Вы и Андреса Флика знаете?

– Нет, я никого там не знаю. Однако ж это, поди, ваш батюшка?

– Да.

– Тогда вы, стало быть, барышня Флик, и если я теперь еще и имя узнаю, то смогу написать вам письмецо, коли случится мне снова проходить через Ахтхаузен.

– Вы, никак, уже сызнова в дорогу собираетесь?

– Нет, не собираюсь, но хочу узнать ваше имя, барышня Флик.

– Да ведь и я вашего не знаю.

– Жаль, но это дело поправимое. Меня зовут Карл Эберхард, и ежели мы как-нибудь встретимся днем, вы будете знать, как меня окликнуть, а мне-то как вас тогда назвать?

– Барбара.

– Ну вот, так-то лучше, большое спасибо. Правда, имя ваше произнести трудно, но готов поспорить, дома вас звали Бербеле.

– Верно. Но раз вы и без того все знаете, почему задаете столько вопросов? Хотя пришла пора заканчивать. Доброй ночи, кожевник.

– Доброй ночи, барышня Бербеле. Приятных снов, ну а я вам еще немножко посвищу. Не убегайте, это ж ничего не стоит.

И он сей же час принялся насвистывать и вывел искусную мелодию вроде йодля, с двойными нотами и трелями, искристую, словно танцевальный напев. С удивлением девушка внимала этакому мастерству, а когда все смолкло, тихонько закрыла и заперла ставню, меж тем как Кнульп впотьмах добрался до своей комнатки.

На сей раз Кнульп встал утром вовремя и перво-наперво решил воспользоваться кожевниковой бритвой. Однако кожевник уже много лет носил окладистую бороду, и лезвие безбожно затупилось, так что, прежде чем побриться, Кнульпу пришлось добрых полчаса править его на кожаной подтяжке. Покончив с бритьем, он надел сюртук, взял в руку башмаки и спустился на кухню, где было тепло и уже пахло кофеем.

У жены мастера он попросил щетку и ваксу, чтобы почистить башмаки.

– Ах, ну что вы! – вскричала она. – Не мужское это дело. Давайте-ка я.

Однако Кнульп не согласился и, когда она в конце концов с неловким смешком поставила перед ним означенные вещи, взялся за дело, основательно, аккуратно и притом без всякого усилия, как мужчина, который занимается ручным трудом лишь от случая к случаю и по настроению, но уж тогда со всем тщанием и радостью.

– Вот это мне по нраву! – похвалила хозяйка, глядя на него. – Ишь как надраили, ровно аккуратно к зазнобе собрались.

– О, я бы с радостью.

– Охотно верю. Она у вас, поди, красotka. – Хозяйка опять назойливо рассмеялась. – Небось даже не одна?

– Ой, нехорошо этак-то говорить, – весело попенял Кнульп. – Могу показать вам портрет.

Сгорая от любопытства, хозяйка подошла ближе, а он достал из нагрудного кармана кленчатый футлярчик и извлек оттуда портрет Дузе. Она с интересом рассмотрела его и осторожно похвалила:

– Впрямь хороша, почитай что настоящая дама. Только вот больно худая. Здорова ли?

– Насколько я знаю, вполне. Ну а теперь пойдете-ка к хозяину. Старина, слышно, в горнице.

Он вошел, поздоровался с кожевником. Горница была выметена, и светлые панели, часы, зеркало и фотографии на стене сообщали ей вид приветливый и уютный. «Этакая чистая комната, – подумал Кнульп, – зимой отнюдь не дурна, но жениться ради этого все ж таки не стоит». Благорасположение, какое выказывала ему хозяйка, ничуть его не радовало.

Когда выпили кофе с молоком, он вместе с мастером Ротфусом спустился во двор, к сараям, и тот показал ему всю кожевную мастерскую. Кнульп, знакомый почти со всеми ремеслами, задавал вопросы с такой осведомленностью, что друг его был весьма удивлен.

– Откуда ж тебе все это известно? – оживленно спросил он. – Можно подумать, ты вправду подмастерье кожевника или был им.

– В путешествиях много чего узнаешь, – степенно отвечал Кнульп. – Кстати, что до кожевного дела, так ты сам был мне наставником, неужто забыл? Лет шесть-семь назад, когда мы вместе странствовали, ты все это и рассказал.

– И ты до сих пор помнишь?

– Кое-что помню, Ротфус. Но теперь не стану больше тебе мешать. Жаль, я бы с радостью пособил тебе чуток, только вот там внизу ужасная сырость и духота, а я еще кашляю. В общем, счастливо оставаться, старина, пойду прогуляюсь по городу, пока дождя нет.

Когда он вышел из дома и, слегка сдвинув на затылок коричневую фетровую шляпу, неторопливо зашагал по Кожевному переулку в город, Ротфус стоял на крыльце, смотрел, как он, в аккуратно вычищенном костюме, легкой походкой, с наслаждением шел по дороге, старательно огибая лужи, оставшиеся после дождя.

«Вообще-то ему хорошо», – с легкой завистью думал мастер. И, направляясь к своим дубильным ямам, размышлял о своем чудаке-друге, желавшем лишь созерцать жизнь, и не знал, считать ли это взыскательностью или скромностью. Тому, кто работал и стремился к счастливой доле, во многом, понятно, жилось лучше, но он никак не мог иметь такие красивые мягкие руки и такую легкую, горделивую поступь. Нет, Кнульп прав, действуя сообразно своей натуре, ведь далеко не многие могли последовать его примеру, когда он, как ребенок, заговаривал с любым встречным и располагал его к себе, всем девушкам и женщинам делал комплименты и каждый день был для него воскресным. Надо принимать его таким, каков он есть, а коли ему плохо и требуется крыша над головой, сочти за честь и удовольствие предоставить ему приют, да, пожалуй, еще и спасибо скажи, ведь от его присутствия в доме становится радостно и светло.

Меж тем его гость весело и с любопытством шел по городку, насвистывая сквозь зубы военный марш, и без спешки навевался в те места и к тем людям, каких знал по прежним временам. Сперва он отправился в расположенную на крутом склоне слободу, к знакомому бедняку-портному, который занимался починкой одежды, жаль мужика, вечно он штопал да латал старые брюки и редко когда шил новый костюм, а ведь кое-что умел, и надежды в былые дни подавал, и в хороших мастерских работал. Однако ж рано женился и ребятишками обзавелся, но жена была не ахти какой хозяйкой. Этого портного, по фамилии Шлоттербек, Кнульп, поискавши, нашел на четвертом этаже одного из дворовых флигелей. Маленькая мастерская, словно птичье гнездо, висела в воздухе над бездной, потому что дом стоял на косогоре, и если глянуть из окон прямо вниз, под тобой были не только три этажа, но вся головокружительная круча с убогими садиками и клочками лужаек, заканчивающаяся серым лабиринтом флигельков, курятников, козых и кроличьих загоронок, а следующие крыши, видневшиеся еще ниже, находились уже вне этого хаоса, совсем крохотные глубоко на дне долины. Зато в портняжной мастерской было светло и дышалось легко, а на широком столе у окна сидел высоко над светлым миром прилежный Шлоттербек, ровно страж на маяке.

– Здравствуй, Шлоттербек, – входя, сказал Кнульп, и портной, ослепленный светом, сощурился, посмотрел на дверь.

– Ба, Кнульп! – просиял он, протягивая руку. – Сызнова в наших краях? И что стряслось, коли ты забрался ко мне на верхотуру?

Кнульп придвинул к себе трехногую табуретку, сел.

– Дай-ка иголку да нитку, только коричневую и самую тонкую, хочу произвести осмотр.

С этими словами он снял сюртук и жилет, выбрал нитку, вдел в иглу и зорким оком осмотрел весь свой костюм, с виду еще очень хороший, почти как новый, и вскоре прилежными пальцами зачинил каждую потертость, закрепил каждую чуть надорванную тесьму, пришел каждую разболтанную пуговицу.

– А как вообще-то жизнь? – спросил Шлоттербек. – Нынешнее время года похвал не заслуживает. Но, в конце концов, коли ты здоров и не имеешь семьи...

Кнульп полемически хмыкнул и небрежно обронил:

– Да-да, Господь посылает дождь на праведных и неправедных³, только портные сидят себе в сухом месте. Тебе все еще есть на что жаловаться, Шлоттербек?

– Ах, Кнульп, что тут говорить. Сам слышишь, как гомонят ребятишки за стеной. Их теперь пятеро. Вот и сидишь до глубокой ночи, пуп надрываешь, а концы с концами никак не сведешь. А ты вот по-прежнему гуляешь!

– Ошибаешься, старина. Четыре-пять недель я пролежал в Нойштадте в больнице, а они без особой нужды никого не держат, да никто без особой нужды там и не замешкается. Пути Господни неисповедимы, друг Шлоттербек.

– Ах, оставь ты эти присловья!

– Где ж твое благочестие, а? Я вот как раз тоже хочу стать благочестивым, потому и пришел к тебе. Как насчет этого, старый домосед?

– Оставь ты меня в покое с благочестием! В больнице, говоришь, лежал? Что ж, сочувствую.

– Не надо, все уж миновало. А теперь расскажи-ка: как оно обстоит с Книгой Сираха⁴ и с Откровением? Знаешь, в больнице у меня и время было, и Библия, я почти все прочел, и теперь беседовать мне куда сподручнее. Прелюбопытная книга, Библия-то.

– Тут ты прав. Прелюбопытная и наполовину не иначе как лживая, потому что одно с другим не сходится. Ты, поди, лучше разбираешься, ведь когда-то учился в латинской школе.

³ Мф. 5:45.

⁴ Имеется в виду Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова.

– Оттуда я мало что помню.

– Понимаешь, Кнульп... – Портной сплюнул в открытое окно и во все глаза, с ожесточенным выражением на лице проследил за плевком. – Понимаешь, Кнульп, толку от благочестия никакого. Ни на грош, и мне на него начхать, вот что я тебе скажу. Начхать!

Странник задумчиво посмотрел на него.

– Так-так. Тут ты хватил через край, старина. По-моему, в Библии записаны вполне разумные вещи.

– Да, а пролистай чуть дальше, непременно обнаружишь прямо противоположное. Нет, я с этим покончил, и точка.

Кнульп встал, взял в руки утюг.

– Подбрось парочку угольков, – попросил он портного.

– Зачем?

– Жилетку хочу подгладить, знаешь ли, да и шляпе не повредит, после стольких дождей.

– Вечный франт! – несколько раздраженно воскликнул Шлоттербек. – И зачем тебе ходить таким графом, коли ты всего-навсего нищеброд?

Кнульп спокойно усмехнулся:

– Так лучше выглядишь, и мне доставляет радость, и коли не желаешь ты сделать доброе дело из благочестия, то просто послужи старому приятелю, ладно?

Портной вышел за дверь и вскоре вернулся с горячим утюгом.

– Вот и хорошо, – похвалил Кнульп, – большое спасибо!

Он начал осторожно разглаживать поля своей фетровой шляпы, а поскольку был в этом не так ловок, как в шитье, приятель забрал у него утюг и взялся за дело сам.

– Вот это мне по душе, – благодарно сказал Кнульп. – Шляпа опять хоть куда. Однако ж от Библии ты, портной, требуешь слишком многого. Что именно истинно и как, собственно, устроена жизнь, всяк должен сам для себя раскумекать, этого ни в какой книге не вычитать, я так думаю. Библия – книга древняя, и раньше еще не знали много чего, что известно теперь; но поэтому в ней записано много доброго и прекрасного, да и весьма много истинного. Порой она казалась мне чудесной книгой с картинками, знаешь ли. Вот как девушка Руфь идет по полю, подбирает колосья позади жнецов⁵ – это же замечательно, прямо чувствуешь жаркое прекрасное лето, или как Спаситель, глядя на малых детей, думает: вы Мне куда милее всех старцев с их надменностью! По-моему, тут Он прав, тут впору у Него поучиться.

– Пожалуй, – согласился Шлоттербек, все-таки не желая признать его правоту. – Только ведь проще обходиться этак с чужими детьми, чем когда у тебя своих пятеро и ты не знаешь, как их прокормить.

Он опять совсем приуныл и огорчился, и Кнульп не мог на это смотреть. Надо бы перед уходом сказать портному что-нибудь хорошее. Он призадумался. Потом наклонился поближе к Шлоттербеку, светлыми глазами серьезно посмотрел ему в лицо и тихо сказал:

– Но разве ты не любишь своих детишек?

Портной с испугом воззрился на него.

– Что ты такое говоришь! Конечно, люблю, особенно старшего.

Кнульп с величайшей серьезностью кивнул:

– Пойду я, Шлоттербек, и большое тебе спасибо. Жилет выглядит теперь вдвое дороже... Кстати, с детьми будь поласковой да повеселей – уже вполовину накормишь-напоишь. А сейчас я скажу тебе кое-что, о чем никто не знает, и ты никому не должен об этом рассказывать.

Внимательно и покорно портной смотрел в его светлые глаза, очень серьезные. Кнульп говорил так тихо, что портной с трудом его понимал:

⁵ Руфь, 2:2.

– Взгляни на меня! Ты мне завидуешь и думаешь: ему легко, ни семьи, ни забот! Ах, если б так. Представь себе, у меня есть сынок, мальчуган двух лет от роду, и живет он у чужих людей, потому что отец его никому не известен, а мать умерла родами. Тебе незачем знать, в каком он городе; но я-то знаю и, когда бываю там, украдкой хожу возле дома, стою у забора и жду, а коли посчастливится мне увидеть малыша, я не могу ни за ручку его взять, ни поцеловать, разве только насвистеть мимоходом какую-нибудь песенку... Такие вот дела, а теперь адью, и радуйся, что у тебя есть дети!

Кнульп продолжил прогулку по городу, через окно мастерской перекинулся словечком-другим с токарем, наблюдая за быстрой пляской курчавой древесной стружки, поздоровался по пути и с полицейским, который отнесся к нему благосклонно и угостил понюшкой табаку из березовой табакерки. Повсюду он узнавал о больших и малых событиях в семьях и в делах ремесленников, услышал о безвременной смерти жены городского казначея и о непутевом сыне бургомистра, сам же рассказывал новости из других мест и радовался слабым, капризным узам, что как знакомого, друга и посвященного тут и там соединяли его с жизнью почтенных местных обитателей. День был субботний, и у подворотни какой-то пивоварни он спросил у подмастерьев, где нынче вечером можно потанцевать.

Возможностей было несколько, но самая лучшая – в гертельфингенском «Льве», всего в полчаса ходьбы. Туда-то он и решил пригласить Бербеле, юную соседскую прислугу.

Близилось время обеда, и когда Кнульп поднимался по лестнице ротфусовского дома, из кухни ему навстречу пахнуло приятно-сытным ароматом. Он остановился и с мальчишеским удовольствием и любопытством втянул чуткими ноздрями отрадный бальзам. Но как ни тихо он вошел, его уже услышали. Хозяйка отворила дверь кухни и приветливо стояла в светлом проеме, окруженная парами съестного.

– Здравствуйте, господин Кнульп, – ласково сказала она, – как хорошо, что вы пришли пораньше. У нас нынче ливерные клецки, знаете ли, и я подумала, не поджарить ли специально для вас кусочек печенки, вдруг вам этак больше по вкусу. Что скажете?

Кнульп потер подбородок и сделал галантный жест.

– В честь чего бы готовить мне на особицу, я уже рад, коли есть суп.

– Ну что вы, после болезни-то человека надобно кормить хорошенько, иначе откуда ему взять силы? Но, может, вы вообще печенку не любите? Не все ведь ее любят.

Он скромно рассмеялся:

– О, я не из их числа, полная тарелка ливерных клецок – это же суший праздник, пусть бы мне всю жизнь каждое воскресенье их подавали, я бы не прочь.

– У нас вам ни в чем недостатка не будет. Для чего стряпать-то учились! Вы только скажите, я ведь специально для вас приберегла кусочек печенки. Вам пойдет на пользу.

Она подошла ближе, ободряюще улыбнулась. Кнульп прекрасно понял, что она имела в виду, да и бабенка была весьма пригожая, однако он сделал вид, будто ничего не замечает. Вертел в руках свою нарядную фетровую шляпу, отутюженную беднягой портным, и смотрел в сторону.

– Спасибо, сударыня, большое спасибо за ваше участие. Но клецки мне в самом деле больше по вкусу. Вы и без того меня балуете.

Она улыбнулась и погрозила ему пальцем.

– Незачем разыгрывать этакую скромность, я все равно не поверю. Ладно, пусть клецки! И лучку побольше, идет?

– Не откажусь.

Она озабоченно вернулась к плите, а он устроился в горнице, где уже был накрыт стол. И читал вчерашнюю еженедельную газету, пока не пришел хозяин и не подали суп. После обеда они втроем минут пятнадцать играли в карты, причем Кнульп поразил хозяйку несколькими

новыми, лихими и ловкими карточными фокусами. Он и карты умел перетасовать с легкой небрежностью и мгновенно разложить их по порядку, а делая ход, элегантно жестом бросал карту на стол и временами пробежал большим пальцем по краям своего расклада. Хозяин наблюдал за ним с восхищением и мягкой снисходительностью солидного труженика, который готов благосклонно стерпеть праздные развлечения. Хозяйка же смотрела на эти свидетельства светского лоска и умения жить с участливой симпатией и глаз не сводила с узких, холеных рук Кнульпа, не обезображенных тяжелой работой.

Сквозь оконные стекла в горницу вливался слабый, неуверенный солнечный свет, падал на стол и на карты, капризно и бессильно играл на полу со смутными тенями, трепетал легкими кругами на голубом потолке комнаты. Горящие глаза Кнульпа примечали все вокруг – игру февральского солнца, безмятежную умиротворенность дома, серьезное лицо работающего ремесленника и друга, затуманенные взгляды пригожей женщины. Вот это ему не нравилось, не было для него целью и счастьем. «Будь я здоров, – думал он, – и будь сейчас лето, я бы и часу здесь не остался».

– Пойду пройду по солнышку, – сказал он, когда Ротфус собрал карты и глянул на часы.

Вместе с хозяином он спустился по лестнице, оставил его в сушильне со шкурами и задумчиво зашагал по траве узкого запущенного садика, который, перемежаясь с дубильными ямами, тянулся до самой речки. Там кожевник соорудил небольшие дощатые мостки, где промывал сырые кожи. Кнульп уселся на мостках, свесил ноги к тихой бегущей воде, забавляясь, поглядел на быстрых темных рыб, проплывавших под ним, а затем принялся с любопытством изучать округу, потому что искал возможности поговорить с молоденькой соседской служанкой.

Садки примыкали друг к другу, разделенные хлипким штакетником, и внизу, у воды, где планки ограды давно сгнили и исчезли, можно было без помех перейти с одного участка на другой. Соседский участок с виду казался более ухоженным, чем одичавший кожевников. Там виднелись четыре ряда грядок, заросшие травой и провалившиеся, как обычно после зимы. На двух грядках кое-где росли латук и перезимовавший шпинат, штамбовые розы с прикопанными кронами сгибались к земле. Дальше, заслоняя дом, стояло несколько красивых пихт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.